

Предубеждение и БАРЬЕРЫ

Повышение доли участия женщин в рабочей силе в арабском мире могло бы стимулировать экономический рост, но есть глубоко укоренившиеся препятствия

Назила Фатхи

После восстаний 2011 года во многих странах Ближнего Востока и Северной Африки роль женщин в экономике несколько расширилась — по крайней мере, формально. Но, как показывают нижеследующие примеры, женщинам в регионе по-прежнему нелегко работать и еще труднее учредить бизнес и управлять им. И слишком часто для того, чтобы преуспеть в делах, им необходима поддержка родственника-мужчины.

Прежде чем начать выпускать журнал *Middle East Business Magazine and News* на арабском и английском языках, Амаль Дарагмех Масри посвятила 13 лет тому, чтобы подготовить для этого почву. Она учредила Ougarit Group, компанию по связям с общественностью и СМИ в 1999 году, чтобы наладить необходимые контакты и приобрести опыт. Когда в 2012 году журнал вышел в свет, она думала, что сможет преодолеть любые предубеждения по отношению к женщинам-предпринимателям, разработав план обеспечения финансового успеха издания.

«Есть два вида женщин», — сказала Масри, которая живет в городе Рамаллах на Западном берегу. «Женщины и упрямые женщины. В этих краях нужно быть упрямой, чтобы преуспеть».

Но Масри быстро поняла, что даже для упрямых женщин было мало стимулов к созданию бизнеса с перспективой роста. В арабском обществе считается, что мужчины должны быть основными добытчиками для семьи, и устремления женщин настолько не принимаются во внимание, что, по законам страны, журнал Масри оказался не соответствующим критериям бизнеса, находящегося в собственности женщины. Она не смогла получить ссуду для бизнеса, поскольку журнал был отнесен к категории услуг, как ей сказали, а не товаров, таких как вышивка и ремесленные изделия, производимые другими принадлежащими женщинам предприятиями. Масри пришлось

попросить ее мужа подписать заявку на кредит, потому что он владел собственностью, которая могла послужить в качестве залога. Но затем из-за участия мужа ей не удалось получить освобождение от уплаты налогов на пять лет, предоставляемое предприятиям, принадлежащим женщинам.

Сегодня у Масри, которой 49 лет, работают пять человек, включая ее 21-летнюю дочь на должности видеооператора, и она создала пул платных подписчиков и рекламодателей.

По ее словам, залогом успеха ее дела стал ее муж. «Без мужа мне бы это, возможно, не удалось», — сказала она. Мать троих детей утверждает, что каждой работающей арабской женщине нужен поддерживающий ее партнер-мужчина, готовый разделить это бремя.

Коэффициент участия женщин в рабочей силе на Ближнем Востоке и в Северной Африке — самый низкий в мире, на уровне 21,2 процента, согласно отчету Международной организации труда за 2017 год, по сравнению с примерно 40 процентами в других частях мира. Тем не менее, с повышением уровня образования среди молодых женщин женщины стали движущей силой перемен, требуя равных возможностей даже в традиционных странах, таких как Саудовская Аравия.

И все же прогресс был медленным, даже в такой стране, как Марокко, где женским организациям удалось добиться от правительства принятия более прогрессивных законов, запрещающих дискриминацию по признаку пола, трудно было порвать с прошлым. Патриархальные взгляды по-прежнему широко распространены в семье и обществе, и многие женщины остаются на низкооплачиваемой работе, если работают вообще.

Факторы помимо культуры могут усугубить проблему. Например, в Рамаллахе Израиль закрыл границы и ограничил передвижение людей. Фирмы, которые традиционно нанимали женщин, например,

в текстильном секторе, обанкротились. В 2012 году женщины составляли всего 17 процентов рабочей силы на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа.

По словам Масри, комендантский час и дорожные заграждения создают финансовые проблемы и для нее. Дорого обходится ввоз необходимого оборудования «и, следовательно, это плохо для дела, будь вы мужчиной или женщиной — владельцем бизнеса», — сказала она.

Одним из лозунгов, которые звучали во всем Тунисе во время восстания Арабской весны, начавшегося в конце декабря 2010 года, был «работа, свобода и достоинство». Безработица в арабском регионе, достигшая уровня 27 процентов в Тунисе, — самая высокая в мире. Женщины, составляющие большинство студентов в большинстве университетов по всему арабскому миру, были, как и их коллеги-мужчины, часто не в состоянии найти работу после окончания учебы.

Разочарованные отсутствием экономических возможностей, женщины были в авангарде протестов в Тунисе и других арабских государствах, в которых распространились протесты в 2011 году. Среди них была Лина Бен-Менни, дочь учителя и государственного служащего.

«Говоря о занятости или работе, я имела и теперь имею в виду работу для женщин и мужчин, свободу и достоинство для обоих полов», — говорит она.

Внештатный переводчик, она вела блог с самого начала революции. После падения правительства президента Зин

эль-Абидин Бен Али, Бен-Менни устроилась работу преподавателем лингвистики в Тунисском университете, но продолжала вести искренний блог, возмущаясь тем, что, несмотря на прогрессивные законы, введенные в 1956 году, женщины по-прежнему находились в маргинальном положении.

«Тунис считается одной из наиболее прогрессивных стран с точки зрения прав женщин. Но когда дело доходит до реальности, все далеко не так», — говорит она. «На руководящих должностях мало женщин, нет равенства в уровне заработной платы, а работодатели предпочитают нанимать мужчин в связи с такими нюансами, как беременность женщин».

Мужчины ежедневно преследуют женщин в общественных местах по всему арабскому миру с комментариями об их внешности или одежде. Но с распространением исламских групп в Тунисе после революции Бен-Менни и женщины — ее единомышленницы столкнулись с новой формой преследования. Общий климат религиозного консерватизма заставил людей с подозрением относиться к новомодным свободам, таким как более активная роль женщин в обществе и то, что они ставят под сомнение традиции. Оскорбления и угрозы под адресу Бен-Менни дошли до того, что она боялась за свою жизнь.

«Экстремисты не могли примириться с тем, чтобы женщина не подчинялась их взглядам и их критиковала», — поясняет она. В настоящее время ей 34 года, она живет с родителями, а ее работа внештатным переводчиком не дает ни стабильного дохода, ни гарантии занятости. Бен-Менни

Если бы больше женщин работали...

Согласно недавно подготовленному докладу Международной организации труда (МОТ), арабские государства оказываются на последнем месте в мире по участию женщин в рабочей силе на уровне 21,2 процента в 2017 году. Этот показатель неуклонно растет, но женщинам в арабских государствах, к которым, по определению МОТ, относятся страны, входящие в Совет сотрудничества стран Залива, а также Ирак, Иордания, Ливан, Западный берег реки Иордан и сектор Газа и Сирия, все еще предстоит долгий путь до преодоления разрыва с мужчинами, участие которых составляет 76,4 процента.

Почему этот гендерный разрыв имеет значение? В условиях дефицита новых источников роста увеличение доли участия женщин в рабочей силе может быть одним из способов стимулирования экономического роста на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

В 2014 году лидеры Группы двадцати (G-20) стран с развитой экономикой и с формирующимся рынком обязались сократить к 2025 году гендерный разрыв участия в рабочей силе на 25 процентов. Если эта цель будет реализована во всех странах, занятость в мире может повыситься на 5,3 процента, утверждает МОТ.

Такой результат привел бы к значительному экономическому росту, повысив мировой ВВП в 2025 году на целых 3,9 процента или 5,8 трлн долларов. Регионы с наибольшими гендерными разрывами — Северная Африка, арабские госу-

дарства и южная Азия — выиграют в наибольшей степени. Согласно ноябрьскому выпуску «Перспектив развития региональной экономики» МВФ за 2013 год, регион Ближнего Востока, Северной Африки, Афганистана и Пакистана мог бы увеличить объем производства нарастающим итогом на 1 трлн долларов за десятилетие, предшествовавшее выпуску доклада, если бы участие женщин в рабочей силе возросло в достаточной степени, чтобы сократить гендерный разрыв с трехкратного до двукратного среднего показателя для других стран с формирующимся рынком и развивающихся стран за этот период.

Существуют явные экономические выгоды, связанные с привлечением большего числа женщин в состав рабочей силы. Но есть и другие положительные эффекты, такие как повышение благосостояния женщин и расширение возможностей для их влияния и достижения жизненных целей.

И эти положительные эффекты подтверждаются данными. В докладе МОТ говорится о том, что 70 процентов опрошенных женщин предпочитают работать на оплачиваемых рабочих местах, независимо от их текущего статуса занятости. Но более половины всех женщин в мире не входят в состав рабочей силы, что указывает на серьезные проблемы, ограничивающие их потенциал и свободу участия.

Настоящая вставка основана на издании *World Employment Social Outlook: Trends for Women 2017*, опубликованном Международной организацией труда.

олицетворяет проблемы занятости, с которыми сталкиваются женщины. После «революции» и обещанных ей новых возможностей для женщин уровень безработицы среди женщин в Тунисе повысился на 13 процентных пунктов до 40 процентов, почти в два раза превысив этот показатель для мужчин.

После Арабской весны и под давлением женских организаций, король Марокко Мохаммед VI в 2011 году пересмотрел Конституцию, с тем чтобы гарантировать равенство мужчин и женщин. Экономика испытывала трудности, и официальные лица считали, что повышение доли участия женщин в рабочей силе может стать для нее импульсом. Многие приветствовали этот шаг.

Шесть лет спустя, однако, традиционный порядок остается по большей части неизменным. Женщины жалуются, что отсутствие базовых льгот, таких как отпуск по беременности и родам и недорогой уход за детьми, заставляет их бросать работу. Абир Эддуада, бывший бухгалтер в компании графического дизайнера в Касабланке, относится к таким женщинам. После рождения близнецов, ее муж, гражданский служащий, ожидал, что она останется дома.

«Он не мог позволить чужим людям заботиться о наших детях. Но даже если бы он был готов на это, у меня не было бы другого выхода. Недорогого дневного ухода за детьми, как в Европе и в Соединенных Штатах, здесь даже нет», — сказала Эддуада.

Эддуада, которой исполнилось 37 лет, думала, что вернется на работу, когда ее близнецы пойдут в школу. Но она по-прежнему остается дома с детьми 10 лет спустя.

«Я подавала заявления на десятки вакансий, — рассказала она. — Никто не хочет нанимать мать, которая должна возвращаться домой рано во второй половине дня, чтобы забрать детей из школы». Только 15 процентов женщин в городских районах Марокко работают, по сравнению с 62 процентами мужчин. Эддуада считает, что такие практические шаги, как доступный по цене уход за детьми и группы продленного дня в школе, в дополнение к правовым реформам, могут проложить путь к изменению восприятия женщин обществом.

Саудовская Аравия начала рассматривать женщин как средство диверсификации своей экономики только после резкого снижения цен на нефть. В 2013 году покойный король Абдулла Абдулазиз разрешил женщинам Саудовской Аравии работать в розничной торговле и индустрии гостеприимства, а первым саудовским женщинам-юристам были выданы удостоверения на право заниматься профессиональной практикой. В настоящее время женщины страны работают в сфере образования и здравоохранения, наряду с другими секторами. 26 сентября 2017 страна объявила о том, что отменит запрет на вождение автомобилей женщинами, что облегчит им передвижение в стране, где общественный транспорт практически отсутствует.

И все же в Саудовской Аравии нелегко быть работающей женщиной. Мужчины официально имеют право опеки над женщинами, что означает, что отец, брат, муж или даже сын в возрасте старше 15 лет принимает все относящиеся к ним юридические решения. Без согласия мужчины-опекуна женщина не может путешествовать, учиться, вступать в брак или даже пойти на хирургическую операцию.

Несмотря на пройденный такими женщинами, как тридцатилетняя Фатима Альматируд, долгий путь по сравнению с их матерями, они по-прежнему сталкиваются с трудностями из-за своего пола. Ее отец из восточного города Сафва, имеющий начальное школьное образование, далеко не сразу дал разрешение на ее учебу в Университете короля Сауда в столице Эр-Рияде.

«Я понимала его беспокойство как отца, но мне хотелось, чтобы он доверял мне и позволил мне принимать решения о моей собственной жизни», — сказала она.

Алматруд получила степень магистра по психологии и работает психологом в психиатрической больнице Хафр Аль-Ба-Тин, зарабатывая примерно 30 000 долларов в год. Она сняла квартиру недалеко от больницы и продуктовых магазинов. Но, по ее словам, жить в 300 милях от родных — это «психологическое» бремя. В конце каждой недели она ездит домой — на такси или автобусе — несмотря на то что это дорого.

В больнице, по ее мнению, дискриминация по гендерному признаку мешает женщинам полностью реализовать свой потенциал. «Менеджеры предвзято относятся к женщинам», — сказала она.

«Они поручают мужчинам более ответственные задачи. В итоге женщины выполняют самые элементарные обязанности, что не позволяет нам продемонстрировать нашу техническую подготовку для карьерного роста». Когда менеджер Алматруд уходит в отпуск, он всегда оставляет главным коллегу-мужчину.

Страна стремится повысить участие женщин в рабочей силе с нынешних 22 процентов до 28 процентов к 2020 году. Большинство женщин, пользующихся экономическим и политическим влиянием, происходят из состоятельных семей. Алматруд беспокоится по поводу своих перспектив профессионального роста. Она одинока, но знает, что столкнется с новым набором проблем, когда выйдет замуж. У нее появится новый мужчина-опекун, а если будут дети, то нет никаких мер политики, которые благоприятствовали бы семье.

Есть все же основания для надежды, такие как отмена запрета на вождение автомобилей и смягчение в июне некоторых законов королевства об опеке. Изменения наступают, но пока еще не ясно, достаточно ли быстро для того, чтобы ими могла воспользоваться Алматруд. **ФР**

НАЗИЛА ФАТХИ — бывший корреспондент *New York Times* и автор книги *The Lonely War: One Woman's Account of the Struggle for Modern Iran* («Одинокая война: одна женщина о борьбе за современный Иран»).